

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А.А. Яковлев

*к.э.н., профессор, Институт анализа предприятий и рынков
НИУ ВШЭ (Москва)*

КОНКУРЕНЦИЯ МОДЕЛЕЙ КАПИТАЛИЗМА: ПРОЕКЦИЯ НА РОССИЮ¹

Аннотация. В статье рассматривается теоретическая концепция «многообразия моделей капитализма» и её эволюция в течение последних 20 лет. Показано, как от дискуссий о конкуренции между либеральными (LME) и координируемыми (CME) рыночными экономиками фокус исследований сместился сначала на анализ «зависимых рыночных экономик» (DME) и затем на анализ «рыночных экономик, проникутных государством» (SPME). С позиций данной теории также рассмотрены изменения в подходах к формированию рыночной экономики в России. Дается объяснение того, почему попытки реализации моделей LME и SPME в России в 1990-е и 2000-е гг. оказались безуспешными и почему модель, сложившаяся в результате всех институциональных преобразований, относится к категории «зависимых рыночных экономик» (DME). Также дана характеристика нового вектора в трансформации российской экономики после 2012 г., проводятся аналогии с «экономикой сопротивления» в Иране, и приводятся аргументы для критической оценки долгосрочных перспектив подобной модели.

Ключевые слова: модели капитализма, глобальная конкуренция, экономическое развитие, «экономика сопротивления», Россия.

JEL: O57, P16, P51.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_4_41_49.

Модели капитализма в современных исследованиях

Интерес к сравнению разных моделей рыночной экономики (или «моделей капитализма») вырос в 1990-е гг. на фоне крушения плановой экономики в СССР и других бывших социалистических странах. Базовая концепция многообразия моделей капитализма — или *variety of capitalism* — была предложена в книге [Hall, Soskice, 2001]. Исходно эта концепция рассматривала только развитые рыночные экономики в США, Западной Европе и Японии. Она, опираясь на весьма детальный анализ институциональных различий в организации корпоративного сектора и финансовых рынков, регулировании рынка труда и т.д., выделяла две базовые модели: либеральные рыночные экономики (*liberal market economies* — LME) и координируемые рыночные экономики (*coordinated market economies* — CME). Достаточно подробный обзор основных аргументов этой концепции сделан в работе [Глинкина, 2017].

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2021 г. Она основывается на выступлении автора на круглом столе «Конфронтация: за что и почему Россия воюет с Западом?», проведенном Фондом «Либеральная миссия» 9 июля 2021 г., и представляет собой приложение к России тех подходов к анализу общих трендов в развитии глобального капитализма, которые ранее были сформулированы автором в [Яковлев, 2021]. Автор признателен К. Рогову за приглашение к данной дискуссии и содержательные комментарии.

Данная концепция с самого начала вызвала большой интерес и до сих пор пользуется популярностью среди экспертов по международной политэкономии. В то же время она подвергалась критике, поскольку анализ строился сугубо на данных по развитым рыночным экономикам. Поэтому логичным развитием этой концепции стали исследования, сфокусированные на анализе стран Восточной Европы, которые в 1990-е гг. прошли через серьезную институциональную трансформацию и по которым (в силу их стремления к интеграции в европейские структуры) стали доступны широкие массивы эмпирических данных [Nölke, Vliegenthart, 2009; Myant, 2018]. Эти исследования показали, что модель капитализма, сложившаяся в этих странах, отличается как от LME, распространенной в англосаксонском мире и переживавшей с 1990-х гг. период экспансии, так и от СМЕ, исторически характерной для стран континентальной Европы.

Особенность этой модели заключалась в том, что по итогам институциональной трансформации 1990-х гг. ключевыми игроками в корпоративном секторе стран Восточной Европы оказались глобальные компании с головными офисами во Франкфурте, Лондоне или Нью-Йорке. Именно поэтому данная модель определялась в литературе как «зависимые рыночные экономики» (dependent market economies — DME). Причем практически сразу было очевидно, что эта черта не является уникальной характеристикой Восточной Европы. Она свойственна экономикам многих развивающихся стран, которые стали интегрироваться в глобальные рынки с конца 1980-х — начала 1990-х гг.

На примере стран Восточной Европы также достаточно быстро стало понятно, что такая модель имеет как плюсы, так и минусы. К плюсам можно было отнести приток прямых иностранных инвестиций, связанный с высокой открытостью DME, и быстрый рост производства в тех отраслях, которые оказались включены в глобальные цепочки создания стоимости. Минусы являлись обратной стороной плюсов и были обусловлены тем, что при изменении параметров рынка труда, а также условий функционирования товарных рынков глобальные корпорации, управляющие этими цепочками, могли очень быстро принять решение о перемещении активности из одной DME в другую. При этом в период кризисов глобальные корпорации стремились выводить финансовые ресурсы из DME в свои национальные юрисдикции — что было отмечено уже в 1997 г. во время «азиатского кризиса», а затем наблюдалось во многих развивающихся странах в ходе мирового кризиса 2008–2009-х гг.

Фактический контроль над DME со стороны глобальных компаний приводил к тому, что страны, внедрившие эту модель, оказались ограничены в возможностях управлять собственным экономическим развитием. Одним из примеров здесь можно назвать Венгрию, где в 1990-е гг. на фоне высокой открытости экономики и радикальной приватизации с широким доступом для иностранных инвесторов был быстро преодолен трансформационный шок перехода от плана к рынку и наблюдался бурный рост производства во многих отраслях, в частности в электронике. Одной из причин этого роста стал перенос в Венгрию производственных мощностей и заказов немецких и австрийских компаний. Однако в 2000-е гг. в этой преуспевавшей ранее отрасли началась стагнация, когда по мере повышения зарплат в Венгрии и вступления Румынии и Болгарии в Евросоюз западноевропейские компании стали перемещать свои мощности и заказы в эти страны.

Проблема была в том, что существовавшая в Венгрии в социалистический период электронная промышленность в 1990-е гг. фактически потеряла собственные позиции на рынке, так как приходившие в страну большие европейские компании в основном были заинтересованы в использовании венгерских мощностей для сборки своей продукции. А компетенции, которые касались разработок, заведомо сворачивались и выносились в головные офисы и штаб-квартиры европейских компаний. Следствием этого стало не только замедление экономической динамики в Венгрии в 2000-е гг., но также изменение ожиданий от результатов рыночных реформ в венгерском обществе, что в дальнейшем во многом предопределило политическую поддержку Виктора Орбана.

В этой связи на фоне растущего скепсиса от результатов рыночных и демократических преобразований в Восточной Европе со второй половины 2000-х гг. исследователи, занимающиеся международной политэкономией, стали выделять четвертую модель — State-Permeated Market Economies (SPME) или «рыночные экономики, проникнутые государством». Немецкие экономисты Андреас Нольке и Кристиан Мэй считают, что эта модель характерна прежде всего для больших развивающихся стран (таких, как Китай, Индия, Бразилия), правительства которых обладают достаточной переговорной силой для отстаивания национальных интересов своих стран во взаимодействиях с глобальными корпорациями и способностью проводить независимую экономическую политику [Nölke, 2018; Nölke, ten Brink, May, Claar, 2019].

Существенную роль в данной модели, безусловно, играет масштаб национальных рынков этих стран (которые привлекательны для инвесторов), но не менее важна также дееспособность и эффективность бюрократии. При этом речь не идет о государственном капитализме или повторении опыта Южной Кореи 1960–1970-х гг. (поскольку с тех пор в мире очень многое изменилось). SPME — это рыночные экономики с большим влиянием государства, интегрированные в глобальные цепочки создания стоимости.

Такие экономики во многих аспектах оказались более устойчивыми и более успешными, чем экономики стран Восточной Европы и многих развивающихся стран, попавших в зависимость от глобальных корпораций. Именно поэтому модель SPME привлекает внимание исследователей, стремящихся понять внутренние закономерности её функционирования, её преимущества и возможные ограничения.

Все это привело к изменению фокуса в анализе моделей капитализма. Еще в начале 2000-х гг. основной акцент делался на сравнении либеральных (LME) и координируемых рыночных экономик (CME). К первой группе относились США, Великобритания и другие англосаксонские страны. Ко второй — Германия, Франция и другие западноевропейские страны, а также примыкающая к ним Япония. При этом в тот период доминирующее представление сводилось к тому, что модель CME, демонстрировавшая свои успехи в период после Второй мировой войны вплоть до 1970-х гг., сдает позиции модели LME. Эта тенденция выражалась в либерализации финансовых рынков и повышении роли фондового рынка, ослаблении влияния профсоюзов и общем дерегулировании экономики. Однако по мере значимого укрепления позиций Китая в мировой экономике стало очевидно, что различия между LME и CME отнюдь не столь существенны на фоне альтернативной модели SPME — особенно, если принять во внимание различия в политических характеристиках этих моделей капитализма.

В этой связи в своих недавних работах Бранко Миланович говорит о противостоянии между «либеральным капитализмом» (куда с определёнными оговорками можно отнести не только LME, но также CME и DME) и «политическим капитализмом», который опирается на доминирование государства в экономике, использует клановые связи и отрицает демократию [Milanovic, 2019]. При этом существует риск «плутократической конвергенции» этих двух моделей, если «либеральный капитализм» не сможет решить проблемы растущего социального неравенства [Milanovic, 2020].

Модели капитализма и российские реалии

Такова общая рамка современных исследований в границах концепции многообразия моделей капитализма. Как соотносится с этой теорией то, что мы наблюдаем в России в последние три десятилетия? На мой взгляд, можно выделить три разных периода, в течение которых российская элита объективно делала ставку на разные модели капитализма.

Изначально — в 1990-е и в начале 2000-х гг. — Россия пыталась идти по модели строительства либеральной рыночной экономики. В 1990-е гг. преимущественно это было на уровне деклараций — просто в силу того, что в институциональном плане российское государство было крайне слабо и не могло эффективно противостоять давлению различных групп интересов, стремившихся к «захвату государства» и извлечению рент. В итоге либеральные рыночные реформы декларировались, но их результаты сильно отличались от планов и ожиданий. Тем не менее, несмотря на все институциональные деформации, рынок был создан и произошла интеграция страны в глобальную экономику. Однако при декларировании модели LME по факту в 1990-е гг. в России была построена специфическая модель DME — с ограниченным контролем над отечественными активами со стороны глобальных корпораций, но с высоким влиянием международных организаций на формирование политики и очень высокой степенью зависимости экономики от мирового рынка.

На этом фоне в начале 2000-х гг. после прихода В.Путина к власти и заметного укрепления государства была предпринята вторая, гораздо более осознанная и последовательная попытка движения по пути построения в России либеральной рыночной экономики. Однако уже в 2004 г. вектор экономической политики однозначно изменился и российская элита стала ориентироваться на иную модель. Такой поворот был обусловлен рядом процессов, происходивших в экономике и политике в начале 2000-х гг.

С одной стороны, в России, безусловно, наблюдались высокие темпы экономического роста. В начале 2000-х гг. они объяснялись не только эффектом девальвации 1998 г. и восстановлением после глубокого спада 1990-х гг., но и серьезными институциональными реформами — включая радикальную налоговую реформу (с упрощением системы налогов и снижением их ставок), макроэкономическую и финансовую стабилизацию, разграничение полномочий между центром и регионами, обеспечение безопасности и подавление активности криминальных групп. В целом правительство стало не только декларировать правила, но и обеспечивать их применение на практике.

Однако все это происходило в рамках непростого и трудоёмкого диалога между ключевыми группами в элите — в первую очередь, между олигархами и высшей бюрократией. Данные группы, конечно, тоже получали для себя позитивные эффекты от этих взаимодействий — в виде роста выручки и прибыли крупнейших компаний и роста доходов бюджета. Однако бенефициарами экономического роста также становились другие социальные группы — при этом элиты считали, что именно на них ложатся основные издержки данного процесса.

И когда с 2002 г. начался рост цен на нефть, у элит появилась альтернатива — вместо того, чтобы тратить усилия на достижение договорённостей, создание правил и их соблюдение ради поддержания экономического роста, плоды которого достаются всем, можно было просто получить контроль над этим ключевым источником доходов. В результате возник острый конфликт между олигархами и высшей бюрократией за контроль над природной рентой. Этот конфликт во многом был предопределён тем, что олигархи и высшие чиновники заведомо не доверяли друг другу. Относительный баланс между ними был порождён кризисом 1998 г., после которого в течение нескольких лет ни та, ни другая группа не имели достаточных ресурсов и влияния, чтобы претендовать на полный контроль над ситуацией. Все это вылилось в дело ЮКОСа, в рамках которого крупный бизнес проиграл, а выигравшей стороной оказалась высшая бюрократия в союзе с силовиками.

Одним из следствий этого внутривластного конфликта стал поворот к другой экономической политике с ориентацией на иную модель капитализма. В частности, после отставки правительства М. Касьянова, проводившего с 2000 г. весьма либеральную экономическую политику, в марте 2004 г. был сформирован новый состав правительства во главе с М. Фрадковым. Это новое правительство в явной форме стало проводить активную промышленную политику — с созданием госкорпораций и инвестиционного фонда

для инфраструктурных проектов, разработкой отраслевых стратегий и запуском больших строек в Сочи и Владивостоке.

Помимо стремления ряда игроков в элите получить доступ к управлению этими ресурсами и проектами у такого поворота были определённые объективные основания. Либеральная модель предполагает, что для всех экономических агентов действуют единые правила, а государство следит лишь за их соблюдением, не вмешиваясь в экономические процессы. Иными словами, в либеральной рыночной экономике государство должно выступать в роли «ночного сторожа» и не более того.

Однако в реальности для развивающихся стран (и, в частности, для России) такой подход означал, что отечественные компании оказывались в прямой конкуренции с глобальными корпорациями. И они закономерно проигрывали — поскольку международные фирмы обладали лучшими технологиями, компетенциями и доступом к капиталу. В известном смысле такая конкуренция напоминала соревнование между автомобилями BMW и «Волга», происходящее на хорошем шоссе с правильными указателями и добросовестной дорожной полицией. Понятно, что нормально работающие институты и инфраструктура важны для экономического развития. Но их наличие не компенсирует стартовых преимуществ на стороне глобальных компаний. В этом контексте поворот к модели с широким государственным участием в экономике и активной промышленной политикой в целом может рассматриваться как рациональный выбор для страны, нуждающейся в «догоняющем развитии».

Безусловно, свою роль в смене «целевой модели» в 2004 г. сыграли также внешне-политические факторы. В начале 2000-х гг. Россия по отношению к Европе, США и НАТО демонстрировала высокую готовность к кооперации. Проявлениями этого стали публичная поддержка США после теракта 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, выступление В.Путина в бундестаге ФРГ, помощь в проведении операции в Афганистане, оказанная США со стороны России. Однако к 2004 г. надежды российской элиты на кооперацию с Западом и вступление в глобальный «элитный клуб» сменились разочарованием. Это разочарование было связано не только с «цветными революциями» в Грузии, Киргизии и Украине, которые были поддержаны ЕС и США и вызвали нервную реакцию у российских властей.

Более существенным фактором стало дальнейшее расширение НАТО на восток, которое воспринималось в Кремле как прямая угроза для России. Понятно, что у Латвии, Литвы и Эстонии с учетом их сложной истории взаимоотношений с Россией были мотивы стремиться в НАТО. Но решение об их приеме в Альянс в марте 2004 г. принималось в Брюсселе и Вашингтоне. И это решение провоцировало Россию на определённые ответные действия (артикулированные в дальнейшем в известной речи В.Путина на конференции по международной безопасности в Мюнхене в феврале 2007 г.).

На этом фоне поворот к новой модели капитализма с ведущей ролью государства в экономике в целом отражал установки российской элиты на обеспечение национального суверенитета и формирование «государства развития» в духе Южной Кореи 1960–1970-х гг. Здесь, наверное, были возможны аналогии с рассмотренной выше моделью SPME (тем более, что именно в этот период Россия стала активно развивать кооперацию со странами БРИКС). Но проблемой оказалось качество государства и качество элит в России.

В частности, при всех декларациях о развитии страны элита, пришедшая к власти, была не готова ограничивать себя и действовать по тем правилам и нормам, которые она сама заявляла для общества и для бизнеса. Как отмечает в своей недавней книге известный политолог Дмитрий Тренин, весьма лояльный к действующей власти, В.Путину не удалось сформировать подлинно национальную правящую элиту: «Когорта силовиков, призванная им во власть и получившая доступ к собственности, оказалась крайне неустойчивой к материальным соблазнам» [Тренин, 2021. С. 284]. Если проводить здесь исторические аналогии со странами Юго-Восточной Азии, добившимися значимых успехов в эконо-

мическом развитии, то в Южной Корее, на Тайване и в Сингапуре национальные элиты испытывали гораздо большее внешнее давление и это вынуждало их к серьёзным самоограничениям. Напротив, в России, по мнению Тренина, «верхушка и сегодня остается в основном группой лиц, не только ставящих свои корпоративные интересы выше национальных и государственных, но и живущих в отрыве от своей страны, фактически за её счёт» [Тренин, 2021. С. 284].

Одной из причин таких отличий в поведении российской элиты в сравнении с другими странами, ориентировавшимися в 2000-е гг. на модель SPME, стали сверхдоходы от сырьевого экспорта в условиях высокой конъюнктуры на мировых рынках. С учетом этих рентных доходов для правящей элиты РФ очень удобной оказалась концепция «энергетической супердержавы», предложенная кремлевскими политтехнологами в 2006 г. Эта концепция фактически предполагала, что Россия заведомо не может выиграть в технологической гонке (в том числе потому, что решение такой задачи требовало от правящей элиты больших инвестиций и самоограничений, к чему элита была не готова). Но поскольку у нас много нефти, газа и других сырьевых ресурсов, мы можем за счёт доходов от их экспорта поддерживать необходимый уровень жизни населения, покупать технологии и формировать резервы на случай «непредвиденных обстоятельств». А поскольку Европа зависит от поставок российских энергоносителей, у нас есть рычаг давления на западных «партнеров» и, даже если они не хотят принимать нас в «свой клуб», им все равно придется считаться с нами. В дальнейшем «газовые войны» с Украиной (затрагивавшие также европейских потребителей) стали наглядной демонстрацией применения такого подхода на практике.

Однако наступивший в 2008 г. глобальный финансовый кризис показал неустойчивость данной модели. Выяснилось, что цены на нефть способны не только расти, но могут и резко падать, а существующая зависимость Евросоюза от поставок энергоносителей из РФ будет снижаться во времени в результате сознательной политики ЕС. Реакцией на осознание уязвимости сложившейся модели экономики стала новая попытка модернизации в период правления Д. Медведева — с созданием новых механизмов поддержки инноваций (проект Сколково), стимулированием инвестиций, ограничением силового давления на бизнес, реформами в системе госуправления. Концентрированным выражением этой политики можно считать проект «Стратегии социально-экономического развития России до 2020 г.», разработанный в 2011 г. на базе ВШЭ и РАНХиГС с привлечением нескольких сотен экспертов и с активным участием ведущих бизнес-объединений [Стратегия-2020..., 2013].

Во внешней политике в этот период была предпринята попытка «перезагрузки» отношений с США. Также было согласовано присоединение России к ВТО. В целом, несмотря на периодические напряжения в отношениях с Западом, Россия продолжала ориентироваться на интеграцию в мировую экономику с отстаиванием выгодных для себя условий такой интеграции (что соответствовало общей логике модели SPME, реализуемой в Китае и других крупнейших развивающихся странах).

Политический кризис, вызванный массовыми протестами 2011–2012 гг. против фальсификаций на парламентских выборах, поставил крест на этой политике и привел к новому развороту не только во внешней политике, но и в экономике. В основе этого разворота лежал страх правящей элиты перед реализацией в России катастрофических сценариев в духе «арабской весны». И если до 2012 г. Россия в кооперации с другими крупными развивающимися странами продвигала на международной арене определённую позитивную повестку (с идеями альтернативного международного порядка), то начиная с 2012 г. российская элита фактически перешла к глухой обороне — с жёсткой критикой «монополярного мира» и западных ценностей, а также с охотой на «иностранных агентов», подавлением оппозиции и независимых СМИ.

На фоне замедления экономического роста и ужесточения бюджетных ограничений важным фактором сохранения политической поддержки сложившегося режима стала

«патриотическая мобилизация», связанная с присоединением Крыма в 2014 г. Для ЕС и США присоединение Крыма и последующий вооруженный конфликт на Востоке Украины выглядели как проявление агрессивности российской внешней политики. Но парадокс в том, что для российской элиты смысл этих действий (равно как и дальнейших «вылазок на территорию врага» в информационном пространстве) заключался в защите своей территории и своих активов. Это было послание «западным партнерам»: вы можете жить как хотите, но нас не трогайте, иначе вам же будет хуже.

Вместе с тем события 2014 г., приведшие к масштабным международным санкциям против России, объективно стали «точкой невозврата» в политике. Если до того в отношениях с ЕС и США были возможны «приливы» и «отливы» (когда жесткая антиамериканская и антизападная риторика сменялась очередной «перезагрузкой» с относительной либерализацией внутренней политики), то теперь Россия оказалась в жёсткой конфронтации с Западом на многие годы.

Следствием такого изменения ситуации стали изменения в экономической политике, а также в отношениях с элитами. В этом плане характерна история с сокращением зависимости от импорта. Уже в 2000-е и начале 2010-х гг. правительство активно финансировало программы такого рода. Однако после введения международных санкций (когда ЕС и США заблокировали поставки в Россию технологий и оборудования двойного назначения) выяснилось, что отечественная промышленность по-прежнему в высокой степени зависит от импорта. Но если раньше высшие чиновники фактически закрывали глаза на срыв соответствующих программ своими подчиненными, то теперь Кремль стал жёстко требовать от них исполнения этих программ.

Аналогичным образом изменились требования к губернаторам. В 2000-е гг. от них по сути требовалась лишь политическая лояльность, демонстрируемая через обеспечение нужного процента голосов на очередных выборах, а возникавшие проблемы при необходимости решались с помощью финансовых вливаний из центра. Напротив, от нового поколения губернаторов-«технократов» Кремль ждет, что они сами будут решать проблемы в тех регионах, куда их назначили. Подкреплением этой новой системы стало давление на элиты (в виде декларирования доходов и расходов, ограничений на владение зарубежными активами и т.д.) и прямые санкции по отношению к губернаторам, федеральным министрам, высшим офицерам силовых ведомств — с арестами по обвинениям в коррупции.

Результатом этой политики стало повышение эффективности отдельных звеньев госаппарата — с появлением новых дееспособных институтов. Один из примеров такого рода — Фонд развития промышленности. Его деятельность по поддержке проектов импортозамещения уже в 2016–2017 гг. вызвала позитивную реакцию на уровне компаний, поскольку Фонд давал кредиты по низким ставкам под реальные проекты, отобранные по объективным критериям. Также можно говорить об улучшении качества управления в отдельных регионах. Это повышение эффективности в использовании ресурсов, по-видимому, стало одной из причин того, что в среднесрочном периоде российская экономика понесла существенно меньшие потери от международных санкций, чем ожидали многие эксперты.

Однако в более долгосрочной перспективе с точки зрения описанной выше концепции «многообразия моделей капитализма» жизнеспособность формируемой в России новой модели экономики вызывает большие сомнения. Модель SPME (или «политического капитализма» в терминах Милановича) могла конкурировать с LME, CME и тем более с DME потому, что при всех политических особенностях она была ориентирована на развитие — прежде всего через нахождение адекватных форм интеграции национальных экономик в глобальные рынки. Именно поэтому данная модель привлекала внимание не только исследователей, но и политиков (так же, как в свое время высокий интерес вызвала модель «государства развития» в странах Юго-Восточной Азии).

В течение 1990-х и 2000-х гг. российская правящая элита несколько раз предпринимала попытки построения сначала LME и затем SPME. Все эти попытки не имели успеха, и российская экономика оставалась в рамках специфической версии DME, не зависящей от глобальных корпораций в части контроля над ключевыми активами, но в высокой степени зависящей от цен на сырье на глобальных рынках. Как уже говорилось выше, главной причиной провала этих попыток было качество самой российской правящей элиты.

С 2012 г. политика «национализации элит», начатая на фоне страхов перед повторением в России сценариев «арабской весны», привела к относительному повышению эффективности госаппарата и улучшению качества госуправления. Однако доминирование в рамках складывающейся в России новой модели экономики приоритетов обеспечения безопасности (в самом широком понимании) над приоритетами развития радикально отличает её от модели SPME. Скорее здесь можно говорить о сходстве с моделью «экономики сопротивления», реализованной в последние годы в Иране [Rózsa, Szigetvári, 2019] и корреспондирующей с моделью «осажденной крепости», которая предлагалась для России в докладах Изборского клуба еще в 2012 г.

Опыт Ирана показывает, что такая модель в течение достаточно длительного времени может обеспечивать сохранение сложившегося политического режима. Но при этом не будем забывать, что доходы на душу населения в Иране в 2019 г. практически не отличались от уровня 1986 г. Российский опыт последнего десятилетия (со средними темпами экономического роста меньше 1% в период с 2011 г. по 2019 г., что существенно ниже средних темпов роста не только в крупных развивающихся, но и в основных развитых странах) пока скорее подтверждает сходство с иранской ситуацией. Поэтому в целом в системе координат концепции «многообразия моделей капитализма» та модель, на которую российская элита стала ориентироваться после 2012 г., вряд ли имеет перспективы.

Это означает, что при опоре на данную модель Россия в лучшем случае (при сохранении социально-политической стабильности внутри страны и отсутствии сильных внешних шоков) с течением времени станет проигрывать в экономическом соревновании с другими странами и неизбежно начнет отесняться на периферию мировой экономики и политики. А в худшем случае — при нарастании напряжения, вызванного высоким уровнем социального неравенства, и при втягивании страны во внешние конфликты, требующие все большего финансирования, — такая экономическая модель приведет к банкротству сложившейся системы управления и к глубокому кризису, сопоставимому с событиями 1991 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Глинкина С.П. (2017). Постсоциалистические трансформации в свете дискуссий о многообразии моделей капитализма // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 5–22.
- Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года (2013) / Под научной ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьминова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Тренин Д. (2021). Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М.: Альпина Паблишер.
- Яковлев А.А. (2021). Куда идет глобальный капитализм? // *Мир России*. №3. С. 29–50.
- Hall P.A., Soskice D. (eds.) (2001). *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. Oxford: Oxford University Press.
- Milanovic B. (2019). *Capitalism, Alone: The Future of the System That Rules the World*. Cambridge, Ms; London, England: Belknap Press of Harvard University Press.
- Milanovic B. (2020). The Clash of Capitalisms: The Real Fight for the Global Economy's Future // *Foreign Affairs*. Vol. 99. No 1. Pp. 10–21.
- Myant M. (2018). Dependent Capitalism and the Middle-income Trap in East Central Europe // *International Journal of Management and Economics*. Vol. 54. No 4. Pp. 291–303.
- Nölke A. (2018). Dependent versus State-permeated Capitalism: Two Basic Options for Emerging Markets // *International Journal of Management and Economics*. Vol. 54. No 4. Pp. 269–282.

- Nölke A., ten Brink T., May Ch., Claar S. (2019). State-permeated Capitalism in Large Emerging Economies // RIPE Series in Global Political Economy. Routledge.
- Nölke A., Vliegenthart A. (2009). Enlarging the Varieties of Capitalism: The Emergence of Dependent Market Economies in East Central Europe // *World Politics*. Vol. 61. No 4. Pp. 670–702.
- Rózsa E.N., Szigetvári T. (2019). The Resistance Economy: Iranian Patriotism and Economic Liberalisation // *Market Liberalism and Economic Patriotism in the Capitalist World-System. International Political Economy Series / T. Geröcs, M. Szanyi (eds). Palgrave Macmillan, Cham. Pp. 169–182.*

Яковлев Андрей Александрович

ayakovlev@hse.ru

Andrei A. Yakovlev

PhD (Economics), Director of Institute for Industrial and Market Studies, Professor at the Department of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (Moscow) ayakovlev@hse.ru

VARIETY OF CAPITALISM CONCEPT: APPLICATION TO RUSSIA

Abstract. The paper considers the concept of variety of capitalism and its evolution during last 20 years. It shows how the focus of this theory moved from discussion of competition between liberal (LME) and coordinated (CME) market economies to the analysis of dependent market economies (DME) and later to the study of state-permeated market economies (SPME). From the point of view of this theoretical framework paper considers the changes in the approaches to the development of market economy in Russia. It explains why attempt of 1990s and 2000s to introduce LME and SPME in Russia failed and why the economic model formed after all institutional changes should be classified as DME. Also the paper describes a new direction in the transformation of Russian economy after 2012, provides analogies with ‘resistance economy’ in Iran and argues the reasons for critical assessment of long term prospects of such economic model.

Keywords: capitalism models, global competition, economic development, resistance economy, Russia.

JEL: O57, P16, P51.

REFERENCES

- Glinkina S. (2017). Postsotsialisticheskie transformatsii v svete diskussiy o mnogoobrazii modeley kapitalizma [Post-socialist Transformations in Light of Discussions on Capitalism Models Diversity] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 2. Pp. 5–22. (In Russ.).
- Hall P.A., Soskice D. (eds.) (2001). *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. Oxford: Oxford University Press.
- Milanovic B. (2019). *Capitalism, Alone: The Future of the System That Rules the World*. Cambridge, Ms.; London, England: Belknap Press of Harvard University Press.
- Milanovic B. (2020). The Clash of Capitalisms: The Real Fight for the Global Economy’s Future // *Foreign Affairs*. Vol. 99. No. 1. Pp. 10–21.
- Myant M. (2018). Dependent Capitalism and the Middle-income Trap in East Central Europe // *International Journal of Management and Economics*. Vol. 54. No. 4. Pp. 291–303.
- Nölke A. (2018). Dependent versus State-permeated Capitalism: Two Basic Options for Emerging Markets // *International Journal of Management and Economics* Vol. 54. No. 4. Pp. 269–282.
- Nölke A., ten Brink T., May Ch., Claar S. (2019). State-permeated Capitalism in Large Emerging Economies. *RIPE Series in Global Political Economy*: Routledge.
- Nölke A., Vliegenthart A. (2009). Enlarging the Varieties of Capitalism: The Emergence of Dependent Market Economies in East Central Europe // *World Politics*. Vol. 6. No 4. Pp. 670–702.
- Rózsa E.N., Szigetvári T. (2019). The Resistance Economy: Iranian Patriotism and Economic Liberalisation // *Market Liberalism and Economic Patriotism in the Capitalist World-System. International Political Economy Series / T. Geröcs, M. Szanyi (eds). Palgrave Macmillan, Cham. Pp. 169–182.*
- Strategiya-2020: Novay model rosta — novaya sicialnaya politika. Itogovyi doklad o rezultatakh 'kspertnoi raboty po aktualnym problemam sotsialno-ekonomicheskoi strategii Rossii na period do 2020 goda* (2013). Pod nauchnoi redakciei V.A.Mau, Ya.I.Kuzminova [Strategy-2020: new model of growth — new social policy. Final report on the results of expert work on actual problems of social and economic strategy of Russia till 2020. Edited by Vlamir Mau and Yaroslav Kuzminov]. Moscow: RANEPА Publishing House ‘Delo’. (In Russ.).
- Treinin D. (2021). *Novyi balans sil: Rossiya v poiskakh vneshnepoliticheskogo ravnovesiya* [New balance of power: Russia in the search for foreign policy equilibrium]. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.).
- Yakovlev A.A. (2021). Kuda idet globalnyi kapitalizm? [Were is global capitalism moving?] // *Mir Rossii*. No. 3. Pp. 29–50. (In Russ.).